

ПРИ ВСТРЕЧАХ с Александром Корнейчуком в военные и послевоенные годы, к сожалению, редких встречах, я непременно пристально вглядывался в правый висок Корнейчука, а он, заметив мой взгляд, неизменно говорил:

— Да, с той поры держится памятная зарубка.

Зарубка около виска Александра Евдокимовича не овена ни боевыми подвигами, ни историческими событиями. И тем не менее она обращала память в прошлое...

Тридцатые годы, особенно их первая половина, были, пожалуй, самыми яркими и насыщенными в творческой биографии Горьковского театра драмы. Во главе коллектива стоял подлинный титан провинциальной сцены — Николай Иванович Соболевский-Самарин. А труппа была не кочующей, а постоянной, первой во всей театральной периферии. Под крылышко Соболевского-Самарина слетались именитые и талантливые актеры со всей России, среди них — представители дореволюционной сцены: прославленные трагики, герои-любовники, и мастера комедии, и молодежь, мечтавшая пройти школу у выдающегося режиссера.

Как раз в те годы на драматургическом небосклоне вспыхнула яркая звезда. «Гибель эскадры» — пьеса украинского драматурга Александра Корнейчука — была отмечена на Всесоюзном конкурсе и вскоре завоевала сцены многих городов страны.

Слава Горьковского театра драмы докатилась и до Киева. После того как пьеса «Платон Кречет» была переведена на русский язык, монопольное право на ее первую постановку Александр Корнейчук передал только двум театрам России: Московскому Художественному и Горьковскому. И когда «Платон Кречет» шел на сцене Горьковского театра уже двенадцатый раз, среди зрителей в зале находился и Александр Корнейчук.

В приезде драматурга, пусть даже издали, на постановку своей пьесы нет ничего исключительного. И сам по себе такой факт — не мотив для воспоминаний. Все это так. Но у меня сохранилась вырезка из газеты «Горьковская коммуна» за 19 апреля 1935 года с моим отчетом о пребывании Александра Корнейчука в Горьком. Рассказанное в том репортаже подкрепляет память и, как мне думается, представляет литературный и жизненный интерес.

Как зрители принимали спектакль «Платон Кречет»? Придется процитировать заключительный абзац моей рецензии, опубликованной в той же «Горьковской коммуне» за несколько дней до приезда драматурга в город.

«Количество аплодисментов — не всегда правильное и единственное мерило качества спектакля. Но когда «Платон Кречет» идет на беспрерывных аплодисментах, когда зачарованный зритель заставляет 10—15 раз распахнуть занавес сцены после конца спектакля и горячо приветствует антеров, то это уже торжество драматурга и театра».

Можно себе представить, что творилось в зрительном зале Горьковского театра драмы 17 апреля 1935 года, когда после второго акта труппа театра во главе с народным артистом республики Н. И. Соболевским-Самариным вышла на сцену и приветствовала присутствующего в зале автора пьесы! Это был шквал оваций, душевность и сердечность приветствий драматургу. Как напечатано в той заметке: «Корнейчук обратился к труппе и зрителям с небольшой речью, в которой указал на особое значение практической связи культуры и искусства всех национальностей Советского Союза, в том числе Советской Украины и РСФСР».

Поздно ночью, после спектакля, состоялся сбор труппы театра. Александр Евдокимович охотно рассказал о работе над пьесой «Платон Кречет». Вот что он говорил: «Когда меня премировали за пьесу «Гибель эскадры», то в ЦК партии сказали, что партия и правительство ждут от нас, драматургов, новых, еще более художественных и идейных произведений, и я почувствовал ответственность, которая лежит теперь на мне. Я долго

думал, о чем же писать, как показать новых людей социалистической действительности. Писать о большом, о новых людях — дело трудное. Но я понимал, что большие люди в нашей стране есть везде, на каждом участке работы, в том числе и среди медицинских работников. Кстати, тогда о врачебном мире мало писали и говорили. Я поехал в один небольшой город, познакомился с работниками здравоохранения и через их среду донес до зрителя в своей пьесе нужные идеи. В моей работе помогли врачи, ученые с мировым именем, рабочие, комсомольцы, коммунисты, которым я прочитал свою пьесу до сдачи в театр».

Александр Корнейчук за дни пребывания в Горьком встречался не только с актерами театра, но с комсомольским активом города, со студентами пединститута, побывал на автозаводе, в обкоме партии и, конечно, в «Горьковской коммуне», где состоялся дружеский разговор с журналистами. Драматург подробно охарактеризовал основные персонажи пьесы «Платон Кречет». В частности, об образе Береста он говорил:

«В советской драматургии много образов большевиков. Но эти образы зачастую схематичны и ходульны. Мне хотелось дать такого большевика, который бы был ближе к зрителю, жизнен, которого, как говорили на съезде писателей товарищи Жданов и Ярославский, любил бы читатель и зритель. Я пытался найти в Бересте, кроме общей характеристики, свои индивидуальные черты. Большевик познается не только в руководстве большими делами, но и в мелочах. В этом отношении прекрасный пример дает один из руководителей Коммунистической партии Украины тов. П. П. Постышев. Был такой случай. Тов. Постышев пришел в

страницы воспоминаний

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЗАРУБКА

Леонид КУДРЕВАТЫХ

оперный театр. После второго акта он зашел за кулисы и актерам и там встретил костюмершу, работавшую в театре 30 лет. Эту труженицу руководство театра не замечало. А тов. Постышев предложил устроить ее юбилей. И юбилей был отпразднован со всеми почестями так же, как празднуют юбилей народных и заслуженных артистов. Все мы знаем заботу тов. Постышева о детях. Ведь ежедневно сотни ребят пишут тов. Постышеву письма. Забота о каждой мелочи и чуткость — характерные особенности большевика, и этими чертами я хотел наградить Береста».

Александр Евдокимович живо обсуждал отдельные замечания журналистов о пьесе и спектакле, сказав при этом, что «некоторые замечания он учтет при окончательном редактировании пьесы для печати». (Значит, в отличие от некоторых современных драматургов, спешащих опубликовать пьесу раньше, чем она прошла проверку на зрители, А. Е. Корнейчук не торопился с печатанием своих пьес — не поэтому ли они и стали классическими в советской драматургии.) В частности, подробно обсуждался образ Лиды. Корнейчук сказал, что от женщины-зрителей им получено много писем, «в которых женщины оценивают Лиду по-своему, дают заказ написать пьесу о женщине, подобной Платону Кречету».

«В следующей моей пьесе я постараюсь выполнить этот заказ, — продолжал А. Е. Корнейчук. — Кстати, свою новую пьесу в русском переводе я привезу для читки в гор. Горький».

Перед отъездом А. Корнейчука из Горького я попросил его написать несколько слов для нашей газеты. Вот что было в записке, которую перед самым отъездом передал мне Александр Евдокимович:

«Я с большим волнением ехал впервые в Горький, чтобы посмотреть на русском языке мою пьесу «Платон Кречет». Я волновался еще потому, что в этом городе, в этом замечательном индустриальном центре, когда-то, давно, жил великий украинский поэт Т. Г. Шевченко. Он встречался с гениальным русским актером Щепкиным и с гениальным трагином негром Олдриндом. Разговаривая на разных языках, эти большие люди понимали друг друга, помогали друг другу».

Спектакль, просмотренный мною в Горьковском драматическом театре, произвел на меня огромное впечатление. Театр прекрасно раскрыл текст, а исполнители дали изумительные сценические образы.

Я успел посмотреть автозавод. Меня поразили, прежде всего, люди этого завода, наша замечательная жизнерадостная, улыбающаяся молодежь. Навсегда останется у меня впечатление о заводе, как о замечательном храме человеческой мысли и радостной человеческой улыбки, о заводе, где труд превращен в гордость и счастье.

Мне хочется передать свой искренний и горячий привет артистам театра, прелатарскому зрителю — мастерам нашей социалистической жизни, и редакции газеты «Горьковская коммуна», которая так тепло и внимательно отнеслась к моему произведению «Платон Кречет».

...Мне думается, что характер поездки украинского писателя на российскую периферию, его рассказ о пьесе «Платон Кречет» и высказывания на другие темы представляют несомненный интерес.

Ну, а зарубка у виска? При чем здесь она?

Время короткого пребывания Александра Евдокимовича в Горьком было рассчитано на минуты. Вышло так, что утром на второй день в гостинице, где остановился Александр Евдокимович, не оказалось парикмахера. Мы побежали с ним в ближайшую парикмахерскую. Свободным оказалось только одно кресло. В него-то и сел Корнейчук. Молодой мастер-девушка зарделась, щеки покрылись румянцем, рука с кисточкой, которой она намывлила подбородок клиенту, явно не подчинялась. То ли вчера она была в театре и узнала, кто у нее в кресле, то ли впервые увидела на лавкане пиджака молодого человека цеховский значок — Александру Корнейчуку в ту пору шел всего тридцатый год, — и при первом же прикосновении бритвы к щеке Корнейчука около виска брызнула кровь. Немедленно подбежали мастера, откуда-то появился даже директор парикмахерской, готовый кричать на мастера. Но Корнейчук попросил йод. Вскоре кровотечение было остановлено. И та же девушка, по просьбе клиента, закончила несложную процедуру бритья, начавшуюся так волнующе.

Вот откуда появилась у А. Е. Корнейчука «нижегородская зарубка», как он любил называть ее.

На снимке (слева направо): Александр Корнейчук, горьковские журналисты Ф. И. ЖИДАЕВ, К. В. СМЕРНОВ и Л. А. КУДРЕВАТЫХ.